

КУЛЬТУРНОЕ МЕСТО И МИФОЛОГИЯ ГОРОДСКОГО ПРОСТРАНСТВА КАК СПОСОБ КОНСТРУИРОВАНИЯ СООБЩЕСТВА ГОРОЖАН

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается процесс конструирования городского символизма в особом типе городском пространстве – социальном пространстве бывшего «имперского города», смысл которого был связан не столько с территорией, на которой он располагается, сколько с трансляцией властного смысла, идущего из центра. Этот смысл структурировал местное сообщество, определял социальный смысл каждой группы, задавал иерархию групп. Однако рядом с имперским городом и его населением возникал и иной, местный центр, населенный иными людьми. Наиболее яркой формой организации пространства «другого города» был советский «частный сектор». Это пространство не стремилось к обретению символизма, к публичной презентации. В постсоветский период разрушение имперского смыслового пространства приводит к деструкции городских сообществ, разрушению их иерархии. Сами сообщества превращаются в совместности, нерегулярные типы коммуникации, связанные с совместным использованием городской инфраструктуры. Попытка построения общегородских символов, основанных на прежних, имперских смыслах, в этих условиях приводит к тому, что сами символы просто не считываются горожанами, превращаются в симулякр. Зато обретают жизненную силу символы, так или иначе связанные с местом, с локальностью и уникальностью. Этот процесс в статье рассматривается на материале города Хабаровска и попыток построения общегородских символов на «культовом месте» города – на Амурском Утесе. В статье прослеживается процесс задания символов, их трансформации в ходе городского развития, их влияния на окружающее пространство. Однако основным моментом здесь выступает не формирование морфологии места, а возможность для наблюдателя считать его смысл. Как показывают результаты эмпирического исследования (наблюдение, интервьюирование с жителями города), этого не происходит. Символ лишается денотата, превращается в симулякр, а сквозь него начинают проступать совершенно иные семантические конструкции, иные смыслы культурного места – локальные, домашние, «свои». С практической точки зрения результаты анализа интересны для властных структур, предлагающих то или иное содержание городского текста-пространства. При формировании/конструировании образа города следует учитывать разнообразие сообществ, искать варианты достижения консенсуса в прочтывании городского текста путем обсуждения и согласования смыслов.

Социальное пространство современного российского города отличается эклектичностью. Это обстоятельство уже неоднократно отмечалось исследователями [8]. Эклектичность эта, как правило, усматривалась в архитектурном облике города, из чего делался вывод о необходимости именно морфологической его гармонизации [12]: сносе ветхих строений, застройке «частного сектора» регулярной городской застройкой и т. д. Вместе с тем, не менее, а, может быть, и более значимым проявлением выступают осо-

бенности наделения этой морфологии семантикой, исходя из которой и структурируется пространство.

В нашей работе предполагается, что городское пространство осмысливается и считывается как текст. При этом текстом выступает не только архитектурный облик города, но и сами особенности физического пространства, расселения, перемещения и т. д. Они и образуют текст-пространство, который и считывается жителем или внешним наблюдателем. Даже с учетом того, что в любом городе присутствует расслоение,

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Бляхер Леонид Ефимович
(д-р филос. наук, профессор)
Тихоокеанский государственный университет (680035, Россия, Хабаровск, ул. Тихоокеанская, 135)
@ leonid743342@mail.ru

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Имперский город, невидимые сообщества, производство пространства, считывание пространства, борьба за город, совместности, символизм.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Бляхер Л.Е. Культурное место и мифология городского пространства как способ конструирования сообщества горожан // Управление культурой. 2022. № 4. С. 3–10.

а значит, различающиеся способы наделения городского пространства смыслами, которые и порождают внутригородские противоречия, конфликт может быть погашен за счет «образа города», элементов городского пространства, обладающих сходным значением для всех горожан, репрезентирующих для них город как целое.

Однако далеко не всегда эти образы и их репрезентанты присутствуют в пространстве города. Сам процесс (или варианты процесса) их возникновения достаточно про-

тиворечив. Наиболее простой вариант, когда одна группа (условно, «власть») получает возможность и признаваемое право определять и навязывать остальным наблюдателям образ города, формы репрезентации этого образа [6]. Возможен более сложный вариант консенсуса, когда несколько наиболее значимых городских сообществ навязывают образ целого после согласования его между собой. Но возможен и третий вариант, когда образ города задается извне. И здесь речь идет, скорее, о признании или непризнании населением легитимности этого образа.

Последний вариант наиболее распространен в особых городских образованиях – имперских городах [2]. Под «имперским городом» в данной работе мы понимаем отнюдь не правовой статус некоторых городов в Священной Римской империи, но специфическое муниципальное образование, возникающее не в результате естественных агломерационных процессов, но созданное с вполне конкретной целью. Как отмечал Ч. Тилли, империя – не большое государство, но специфическая форма объединения гетерогенной по многим параметрам территории за счет «имперского проекта» – трансцендентального проекта мирового переустройства [17]. Проблема гетерогенности же решается в модели империи, предлагаемой Тилли, за счет делегирования широких полномочий по управлению территорией местным элитам в обмен на абсолютную лояльность по отношению к имперскому проекту и имперскому центру. Но на протяженной территории властный импульс теряется, слабеет, начинает трансформироваться, исходя из местных реалий. Формой организации ретрансляции властного импульса на территорию, контроля над местными элитами и, одновременно, втягивания их в общеимперское пространство выступает имперский город, созданный и изменяющийся по приказу. Это, как правило, наиболее значимые крепости, административные центры имперской периферии. Их смысл определялся властным импульсом, интенцией, идущей из имперского центра. Наиболее

влиятельной группой горожан были приезжие, представляющие имперский центр на территории, задающие образ жизни местной элиты [5]. К числу подобных городов относится и Хабаровск.

Но, возникнув в качестве имперского города, он в большей или меньшей степени лишился этого статуса в постсоветский период. Соответственно, исчезает и особый статус приезжих, сам имперский смысл, позволявший видеть и считать город, как целое. В этих условиях и начинается процесс переструктурирования «городского текста» с тем, чтобы как-то воссоздать утраченную целостность или покинуть город, вдруг ставший чужим.

Проследить процесс такого переструктурирования не столько в области изменения городской морфологии, сколько в области смыслов, мы и попытаемся в данной статье.

Отправной точкой наших методологических рассуждений выступает понимание социального пространства как текста [15]. Иными словами, социальное пространство становится не столько путем морфологической трансформации физического пространства (строительство зданий, сооружений, коммуникаций и т. д.), сколько в процессе наделения всех этих элементов социальным смыслом. Последний детерминирует осуществление в данном месте действий и коммуникаций именно данного типа и препятствует осуществлению иных действий и коммуникаций. Чем сильнее социальное расслоение в городе, чем более оно осознается, как несправедливое, тем более явно выражен конфликт интерпретаций, принимающий форму борьбы «за право на город» [14]. Подобная борьба может принимать самые различные формы – от вполне легитимных «слушаний» в рамках публичной деятельности муниципалитетов, «тихого» сопротивления властному переустройству пространства до прямого противостояния на улицах города [1].

Каждое из существующих городских сообществ отстаивает свой способ действий и интерпретацию (наделение и считывание смыслами элементов городского простран-

ства). И если способы действий властной группы достаточно очевидны (генплан, программы развития городов, выделение земли под строительство и т. д.), то действия остальных групп гораздо более сложны, включая в себя оппортунизм властных решений, рутинное сопротивление, деструктивные действия.

В принципе, этот конфликт может быть погашен за счет возникновения устойчивой городской сегрегации [16], где каждая группа в городском пространстве обретает «свой мир», отдельный от других. При этом выделяются «общие пространства», в отношении которых действует консенсус. Они принадлежат всему городу, представляют его целостность. Именно в этих пространствах располагаются чаще всего символы, репрезентирующие эту целостность в глазах горожан и внешних наблюдателей. Собственно, эта мысль и одухотворяет значительную часть проектов переструктурирования городского пространства [11]. Однако все это предполагает, что, если не целостное и структурированное городское сообщество, то, по крайней мере, городские сообщества в социальном пространстве города присутствуют. Однако, как показывают эмпирические исследования, проведенные в городе Хабаровске, эта картина отнюдь не является очевидной, особенно для тех групп, которые традиционно выступали в качестве наиболее статусных, наиболее значимых. Как протекает процесс становления городских символов, конструирование общего смыслового пространства в этих условиях, мы и попытаемся рассмотреть в нашей работе.

Эмпирической базой для нашего анализа выступают данные хабаровского краевого архива, позволяющие проследить движение населения внутри города и за его пределами, вторичные данные, содержащиеся в работах по истории города, а также собственное эмпирическое исследование (включенное наблюдение, 3 серии глубинных полуструктурированных интервью с жителями города – всего 23 интервью), проведенное в 2019 – 2022 гг.). В качестве дополнительного источника информации используются

материалы региональных СМИ. Поскольку городское пространство осмысливается в качестве текста, то при обработке данных использовались текстовые аналитические техники, метод проблематизации интервью, позволяющий отвлечься от конкретных формулировок, увидеть за ними устойчивые фреймы.

Социальное пространство большей части городов Востока России обладает специфической двойственностью [4]. Их развитие связано не столько с развитием окружающей территории, сколько с заинтересованностью центральной власти в данном городе как административном или военном центре. Именно эту особенность мы и обозначили концептом «имперский город». Подобным образом развивался и город Хабаровск [10].

Возникнув в 1858 году в качестве военного поста Хабаровки, он в 80-е годы становится центром Приморской области Восточно-Сибирского генерал-губернаторства, а в 1884 году обретает статус города и центра Приамурского генерал-губернаторства. В 1893 году Хабаровск получает современное название, сохраняя положение центра региона до начала революционных событий. В советский период, начиная с 1926 года, Хабаровск вновь становится центром региона (Дальневосточного края), а с 1937 года центром Хабаровского края, Дальневосточного военного округа. В городе продолжали располагаться региональные центры МВД, КГБ и других союзных министерств и ведомств. При всем том, что за советский период в городе возникает целый ряд крупных заводов, наиболее статусной частью населения остаются чиновники и военные. Именно они соответствуют ключевому имперскому смыслу региона – советская крепость на востоке страны.

Этот «военный» характер города, наряду с крупнейшими производствами, которые одновременно являются источниками всей социальной инфраструктуры, детерминирует и городскую иерархию. Таким образом, социальные группы города, в основном, соответствуют профессиональным. Последнее определяет и совместность проживания.

Статус группы, ее «социальный вес» определялся ее значимостью в рамках властной интенции, транслируемой из центра. Исходя из посыла власти (цели, задачи города для империи) формировался и ее символизм. В период Российской империи доминантами города выступали официальные государственные и военные учреждения, церкви, выстроенные в рамках особой стилистики «гарнизонной архитектуры» [7]. Ключевым символом города становится памятник графу Муравьеву-Амурскому скульптора А. М. Опекушина, установленный на месте высадки первых поселенцев будущего города.

В советский период, который тоже можно рассматривать в качестве имперского, облик города, как и его символизм, меняется, причем, несколько раз. Довоенный период протекает под знаком «новой архитектуры» (функционализма). В этом стиле строятся административные здания, жилье для наиболее статусных групп населения (сотрудники НКВД, военные, партийное руководство). Число символов в этот период не особенно значимо. К наиболее символически нагруженным можно отнести памятник Ленину на одноименной площади, поставленный в 1925 году. Позже функционализм 30-х годов сменяется «сталинским ампиром», конструктивизмом и т. д. Возрастает и число символов города. Появляются памятники Хабарову, мемориалы и памятники героям гражданской войны, Великой Отечественной войны и др. При этом, несмотря на калейдоскоп стилей, военная и административная доминанты в центре города остаются основными.

Однако, с первых лет его существования в качестве города, в Хабаровске рядом «имперским городом» возникает другой, часто «невидимый», отсутствующий в статистических отчетах и планах, город. Ведь так или иначе имперский город становился центром притяжения и для местного сообщества. В нем концентрировались ресурсы, распределяемые на регион, возникали возможности для сбыта местной продукции «имперскому населению» и т. д. Пожалуй, первым отметил эту

особенность Хабаровска известный публицист рубежа XIX – XX вв. В. Л. Кигн-Дедлов: «Здания набережной изящны и красивы. Остальной город, если не считать квартала монументальных военных складов и казарм, совсем не то, что его официальная часть. /.../. Население города, как и его здания и улицы, тоже делится на две отличные половины. Одну составляют чиновники и офицеры, очень светские и элегантные, если они стоят близко к генерал-губернатору; другая состоит из массы населения, смеси каторжника с переселенцем». [5, с. 191]. Правда, вскоре возникает и «третий город», город торговцев, казенных подрядчиков, владельцев приисков и лесных делан. Этот город отличался и от каменного официального города, и от деревянного «невидимого» города. Он выстраивался в стилистике модного модерна, включал в себя новый центр города, протянувшийся от набережной до железнодорожного вокзала. Впрочем, этот город в смысле слова отношении примыкал к имперскому, выступая его спутником.

Сходная ситуация возникает и в советский период. Есть официальный город (крепость СССР на Дальнем Востоке). Облик этого города, его символизм связаны с советской властью, Великой войной, обороной. Есть воинские части с примыкающими к ним жилыми комплексами.

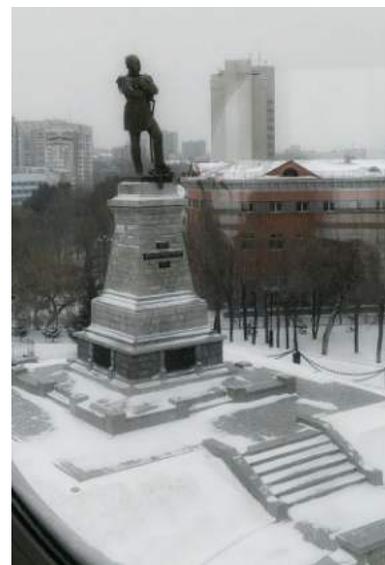

Рис. 1. Памятник генерал-губернатору Восточной Сибири Николаю Николаевичу Муравьеву-Амурскому в Хабаровске, открытый в 1891 г.

Есть предприятия, среди которых ведущее место занимают предприятия ВПК и железной дороги с создаваемыми вокруг них микрорайонами с социальной инфраструктурой. Иерархия задается близостью к смыслу, идущему из центра. Именно поэтому военные, особенно командование, могло быть более значимо, чем партийные руководители, а предприятия ВПК более значимы, чем предприятия, ориентированные на выпуск гражданской продукции. Существовали и легитимные «общие пространства», расположенные в центре города (театры, крупнейшие кинотеатры, универмаги, библиотеки, парки, стадионы и т. д.).

Но не менее 50% территории города вплоть до 70-х годов XX века занимал советский «частный сектор». По идее, здесь жили те же советские люди, которые в связи с временными трудностями в области жилищного строительства оказались в непрестижном частном секторе. Однако в реальности, несмотря на общую занятость, общую социальную инфраструктуру, в частном секторе формировался принципиально иной образ жизни, отличный от «городского». Во-первых, возникал иной бюджет времени, где значительная часть дня, намного большая, чем у жителей квартир, отводилась под заботы об обслуживании дома. Это обстоятельство, вместе со слабой обеспеченностью частного сектора общественным транспортом, приводило к тому, что его жители в большей или меньшей степени были исключены из числа пользователей «общими пространствами». Во-вторых, наличие частного дома и небольшого земельного участка

позволяло вести индивидуальное хозяйство, что в условиях тотального дефицита эпохи социализма было достаточно значимым моментом. И, в-третьих, в пространстве частного сектора формировались социальные связи, гораздо более прочные и устойчивые, нежели в остальном городе, противостоящие этому городу и властному пространству города.

«Мы, если по молодости хотели спокойно выпить с друзьями, посидеть без проблем, шли в „деревяшки“ за Руднева (улица, примыкающая к частному сектору – прим. автора). Туда менты даже не совались. Там можно было, если деньги есть, и с водочкой посидеть. И никто не спросит: „Тебе сколько лет? Где твои мама с папой?“ Там все иначе было, чем в городе. /.../ Если кореш там есть, то не только сэма, но и помидорчиков с огурчиками на закусь дадут. В „деревяшках“ у всех свои помидоры, огурцы, картошка. Многие и свинок держали. Типа на мясо, на сало. У кого-то даже коровы были» (муж., 58 лет, работник СМИ).

Прочность социальных связей, основанных на родственной и соседской взаимопомощи в частном секторе, отмечали все респонденты-жители (бывшие жители) этих районов города. Помощь более состоятельного менее состоятельному, возвратная услуга, поддержание внешней эгалитарности считались нормой. Важно, что эти отношения прослеживаются и до настоящего времени. Переселение в более престижные районы по собственной воле, вынужденное переселение в новую застройку не нарушают этих связей. Прежние отношения и, отчасти, образ жизни, воспроизводятся.

«Конечно, я здесь многим помогаю. Нет, я не мать Тереза. Даже близко нет. Просто я здесь вырос. Это же люди, с которыми я учился в школе, в технаре. Их родители мне в детстве конфеты давали. Что же я сегодня их детям помочь не могу, если бабки есть? Конечно, помогу. И сам посмотри. Захотят меня прищучить. Они только подумают о проверке, а меня уже предупредили» (мужчина, 52 года, владелец «гаражной» автомастерской).

Наличие этих двух городов в одном городском пространстве не было особой проблемой в советский период. Пространство «частного сектора» не стремилось к публичной презентации. Его жители большей частью оставались «невидимками». Тем более, что это пространство постепенно сокращалось, составив в новом столетии менее трети территории города и только 12% населения. «Невидимый» мир жителей частного сектора стигматизировался, осмыслялся в качестве временного явления, которое в ближайшем будущем исчезнет.

Отчасти этот прогноз начинает сбываться в постсоветский период. Советский «частный сектор» начинает трансформироваться. «Частный сектор» вытесняется из центра города, застраиваемого офисными зданиями, «элитными» многоэтажками. В новом столетии на месте значительной части «частного сектора» появляются коттеджные поселки, создающие иной тип поселения в рамках города. Как правило, в районы бывшего «частного сектора» перемещаются жители северных поселков в силу относительной дешевизны жилья. Меняет место жительства часть жителей частного сектора. Их место занимают аутсайдеры реформ и частью люди, осознанно дистанцирующиеся от «сошедшего с ума мира».

«Я при СССР уважаемым человеком был. Герой труда. А потом эта свистопляска с Горбачевым пошла. Народ посокращали, все закрылось. Вот, оказалось, иди ты, родной, на поклон к спекулянтам. Может быть, они тебя возьмут куда. Или сам становись спекулянтом. А я не могу. Вот и продал квартиру. Теперь в доме своем живу. Вот картошку

Рис. 2. Башня Инфиделя, Хабаровск.

сажу. На выпить и закусить хватает» (мужчина, 71 год, житель частного сектора).

Важно и то, что эта часть города продолжает дистанцироваться от власти и властной символики. Многие коттеджные поселки в черте города, на городских окраинах, как показывает и интервьюирование, и наблюдение, построены именно в стремлении дистанцироваться от избыточного регулирования со стороны властных акторов. Да и жители бывшего «частного сектора» предпочитают не контактировать с властью.

Но еще более активную трансформацию переживает «видимый» город, состоящий из жителей регулярной застройки. Именно из этой части городского пространства наиболее активно убывало население в рамках «западного тренда» [9]. В центральной части города стремятся купить жилье бенефициары реформы 90-х годов. Закрываются заводы, исчезают социальные общности, порождаемые ими. Уже эти обстоятельства существенно деформируют сообщество в пространстве «имперского города».

Но не менее значимо и то, что исчезает смысл города, транслируемый из центра. Поскольку именно он легитимизировал, а, отчасти, и создавал сообщества (на основе социально-профессиональных групп), определял их иерархию, то и сами группы начинают деградировать. Сообщества превращаются в совместности [13], объединения людей по поводу пользования общими элементами инфраструктуры (автостоянками, заправками, парковыми зонами, досуговыми учреждениями и т. д.).

В отличие от сообщества с их персонифицированными контактами, совместность последних не предполагает, как не предполагает контактов вне вопросов, связанных с использованием общих элементов городской инфраструктуры. Соответственно, социальные связи в совместности гораздо слабее, чем в сообществе. Это проявлялось и в интервью, и в ходе наблюдения. Подобные слабые связи, отсутствие укорененности становятся фактором выталкивания для этих групп. Им на смену приходят выходцы из

среднеазиатских государств, успешные жители малых городов и поселков региона. Последнее еще более осложняет коммуникацию среди жителей города.

Таким образом, в городском пространстве присутствуют сформировавшиеся социальные общности с значительной местной укорененностью, предпочитающие оставаться невидимыми для власти, дистанцирующиеся от нее и от властного символизма в публичном пространстве, и деформированные совместности, лишенные местной укорененности.

Но именно население регулярной городской застройки видит власть (региональная, муниципальная). Ее она и стремится удержать, закрепить. Остальные (жители бывшего «частного сектора») выступают только объектом опеки.

«Конечно, там живут более или менее откровенные аутсайдеры. Образования нет, интеллекта как такового не наблюдается. Даже притязаний нет. Коптят небо, загрязняют среду. Для меня важно, чтобы они другим людям жить не мешали. Так сказать, оградить зерна от плевел. Ну и чтобы они самих себя не поубивали» (мужчина, 41 год, сотрудник краевого правительства).

По отношению к видимой для власти части города, той, которую власть может «прочитать», делаются активные попытки создания общегородских символов-репрезентантов. Пожалуй, наиболее ярким из них является мемориальный комплекс на Амурском Утесе.

Амурский Утес – одно из культовых мест города, где, согласно городской легенде, высадились солдаты 13 линейного батальона под командованием капитана Дьяченко, основавшие Хабаровск. Оно и сегодня остается обязательным для посещения пунктом для гостей города, одним из любимых мест для воскресного променада. Здесь находится два наиболее значимых объекта. Первый – памятник графу Н. Н. Муравьеву-Амурскому, установленный в 1891 году на средства, собранные жителями Приамурья. Если первоначальная идея инициаторов (жителей г. Благовещенска, где и предполагалась установка па-

мятника) состояла исключительно в увековечении памяти популярного в регионе государственного деятеля, то окончательный смысл оказался более широким.

На постаменте памятника разместились мемориальные доски с перечислением лиц, наиболее активно участвующих в присоединении этой территории к России. Ограда памятника создана из старых чугунных пушек XIX века. Тем самым, памятник приобретает более значительный смысл не только в память генерал-губернатора Восточной Сибири, но и самого факта присоединения Приамурья к России. Явный имперский смысл памятника повлиял и на его историю.

В 1925 году памятник снимают с постамента, разрушается ограда и дом караула. На его место воздвигают статую вождя мирового пролетариата. Но памятник вождю, построенный по советским стандартам, оказался намного меньше монумента, терялся на нем. Потому особого символического значения не приобрел, в отличие, скажем, от того же памятника Хабарову работы А. П. Мильчина, открытый в 50-е годы на привокзальной площади. Не сработала в качестве элемента революционной символизации Утеса мемориальная доска о расстрелянных казаками атамана Колмыкова венгерских большевиках. Хотя мемориальная доска об этом осталась на Утесе, в городские символы она не попала. В 1983 году на месте памятника Ленину установлена ладья, символизирующая подвиг первопроходцев.

Однако и этот памятник не приобрел значения общегородского символа. Это отмечается и в ретроспективных интервью. Для жителей частного сектора, «социальных невидимок» все публичные презентации были достаточно мало значимы. Для жителей «видимого» города первопроходцы, ни один из которых, кстати, не был на территории будущего Хабаровска, не включались в символическую ткань города. Даже сам памятник Ерофею Хабарову воспринимался не столько в качестве одного из первопроходцев, сколько в качестве доброго духа-покровителя города-крепости.

В результате в 1992 году после достаточно активной медиакомпания было принято решение о восстановлении памятника Муравьеву-Амурскому по сохранившейся в Санкт-Петербурге копии. Кроме памятника была восстановлена ограда из пушек, караульный дом. Официальное признание памятника в качестве символической репрезентации города пришло с размещением его на пятитысячной купюре.

Однако в этот период образ Утеса, а вместе с ним и города, для значительной части хабаровчан стал репрезентировать другой объект, изначально для этого не предназначавшийся. В 1949 году на самой высокой точке Утеса была поставлена спасательная станция (под Утесом расположен городской пляж) с наблюдательной площадкой, выполненная в духе «сталинского ампира». Замечательный вид на слияние Амура и Усури привел к тому, что в кратчайшее время спасательная станция (позже школа ДОСААФ) превратилась в парковую видовую площадку, а в 1980-е годы – в кафе. Право любоваться видами на Амур теперь имели только его завсегдатаи. Популярность Утеса как места переносилась на популярность расположенного в нем заведения, причем, вне зависимости от кулинарных или сервисных его характеристик.

В 2012 году здание было передано Министерству культуры Хабаровского края, а в 2013 в нем разместилось подразделение «Амурский Утес» Хабаровского краевого музея им. Н. И. Гродекова. Видовая площадка на Амурском Утесе стала общедоступной. На экспозиции же музея, похоже сказалось соседство с памятником графу Муравьеву-Амурскому. Здесь разместилась экспозиция рубежа XIX – XX вв. в рамках проекта «губернаторская гостиная». Само помещение старательно имитировало частное жилье в Хабаровске начала XX столетия.

Тем самым, ансамбль Амурского Утеса обретал смысловую целостность, хоть и в ущерб историчности. Он становился репликой города начала XX века в начале XXI столетия. Этот исторический антиисторизм только подчеркивался соседством с краеведческим музеем,

где здание музея, построенное по приказу генерал-губернатора Гродекова, соседствовало с новоделом конца 90-х, а скелет кашалота, подаренный владельцем китобойной фирмы графом Кайзерлингом, со скульптурными группами советского периода (Володя Ульянов с матерью, девушка с веслом и др.).

При этом возникает и объединяющий смысл. И имперская эпоха, и эпоха СССР были временем, когда город обладал внешним, но понятным и устойчивым смыслом, наделяя им всех причастных. В эти периоды присутствовало структурированное и иерархизированное городское сообщество. А сам город был обласкан и центральной властью, и центральным бюджетом. Культурное место города обретает форму идеала, но идеала в прошлом, причем исчезнувшем прошлом.

Казалось бы, официально признанный символ (или символы) на популярной территории должен был бы легко считываться жителями, осознаваться ими в качестве «своего». Однако это не происходит. Общегородской символ не считывается жителями. Гуляние перемещается на набережную, в парковую зону. Сам же символ остается более значимым для гостей города, нежели для горожан.

Отчасти это связано с тем, что этот символ (или символы) относятся к прошлому, причем, дискредитировавшему себя прошлому, к области утраченных смыслов. Символ оказывается лишенным денотата, не соотносимым с реальностью жизни горожан. Становится чистым симулякром, тенью тени [3]. Зато все большую популярность приобретает иной тип сакрализации места. Наиболее частым определением «Амурского Утеса» в интервью было «место силы». В двух интервью возникает «старухина гора», «утес шаманки». По легенде на утесе над Амуром располагалась хижина самой сильной шаманки, способной видеть будущее и заклинать болезни и непогоду. Парадоксальным образом, «старухина гора», не имеющая никакого отношения к истории города, считывается гораздо более активно. Причем, в качестве характеристики места, формы укорененности. Дру-

гой вопрос, что с имперским смыслом этот символ уже никак не коррелирует. В этом плане показательно, что обрушение внутренней части «Амурского Утеса» (здания), произошедшее некоторое время назад, воспринималось и трактовалось респондентами в качестве отторжения чужого «местом силы».

Отмечались в интервью и другие, гораздо более «городские» места силы. Чаще всего в интервью, особенно среди респондентов до 40 лет, отмечалась «башня Инфиделя», недострой на северной окраине города, который, по мнению респондентов, был наделен мистической силой, скрывал вход в городские подземелья и т. д. Отмечались и иные «места силы». Показательно, что все они считывались респондентами именно как «местные», а не имперские. Даже популярный в городе памятник Ерофею Хабарову трактовался именно как символ места, причем укорененный здесь.

Подобное восприятие интересно в двух отношениях. Во-первых, конструирование символизма места в условиях, когда оно не соотносится ни с одной значимой социальной группой в городе, просто не воспринимается в этом качестве, не становится культурным местом, местом сборки городского сообщества. Горожане просто отторгают его, превращая в симулякр. Во-вторых, на фоне кризиса имперскости, все более значимыми становятся символы, привязывающие сообщество к данному месту, позволяющие превратить безликую «территорию» в обжитое пространство, в дом. Возможно, что именно это направление символизации пространства в ближайшее время станет ведущим не только для совместностей, но и для уже сложившихся сообществ.

С практической точки зрения результаты анализа интересны для властных структур, предлагающих то или иное содержание городского текста-пространства. При формировании образа города следует учитывать разнообразие сообществ, искать варианты достижения консенсуса в прочтении городского текста путем обсуждения и согласования смыслов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ:

- [1] Бляхер Л. Е., Иванова А. П., Ковалевский А. В. "Пустые пространства" и их обитатели в городах Дальнего Востока России (на примере города Хабаровска) // Мир России. Социология. Этнология. 2021. Т. 30. № 3. С. 150-173.
- [2] Бляхер Л. Е., Бляхер М. Л. Город в тени империй: жизнь, смерть и посмертие имперского города Харбина // Полития. 2022. № 1. С. 131-161.
- [3] Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции / пер. с фр. А. Качалова. М.: Издательский дом «ПОСТУМ», 2015. 240 с.
- [4] Григоричев К. В. В тени большого города: социальное пространство пригорода // Иркутск: Оттиск, 2013. 248 с.
- [5] Дедлов В. Л. Панорама Сибири: Путевые заметки. СПб.: Тип. М. Меркушева, 1900. 248 с.
- [6] Замятин Д. Н. Власть пространства и пространство власти. М.: Росспэн. 2004. 349 с.
- [7] Иванова А. П. Архитектура государственной идеи на русском дальнем востоке // Баландинские чтения. 2014. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/arhitektura-gosudarstvennoy-idei-na-russkom-dalнем-vostoke> (дата обращения: 04.10.2022).
- [8] Каганский В. Л. Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство. М.: Новое литературное обозрение. 2001. 576 с.
- [9] Мкртчян Н. В. «Города востока России „под натиском“ демографического сжатия и западного дрейфа» // Переселенческое общество Азиатской России: миграции, пространства, сообщества. Рубежи XIX–XX и XX–XXI веков. Иркутск: Оттиск, 2013. С. 41–61.
- [10] Морозов П. Л. Хабаровск: История. Современность. Перспективы. Хабаровск: Хабаровское книжное изд-во. 1988. 236 с.
- [11] Пивоваров Ю. Л. Урбанизация России в XX веке: представления и реальность // Общественные науки и современность. 2011. № 6. С. 104-105.
- [12] Стариков А. А. Развитие планировочных структур городов и качество жизни граждан // Фундаментальные, поисковые и прикладные исследования Российской академии архитектуры и строительных наук по научному обеспечению развития архитектуры, градостроительства и строительной отрасли Российской Федерации в 2018 году: сб. научных трудов. М.: Изд-во АСВ, 2019. С. 475–486.
- [13] Dellenbaugh M., Kip M., Bieniak M., Müller A. K., Schwegmann M. Urban Commons: Moving Beyond State and Market. Birkhauser Press: Berlin, 2015. 244 p.
- [14] Harvey D. The Right to the City // International Journal of Urban and Regional Research. 2003. Vol 27(4). P. 83-103.
- [15] Lefebvre H. The production of space. Malden MA: Blackwell, 1991. 464 p.
- [16] Park, R., Burgess E., and McKenzie R. The City. Chicago: The University of Chicago Press, 1967. 127 p.
- [17] Tilly Ch. How empires end // After empire: multiethnic societies and nation-building. The Soviet Union, and the Russian, Ottoman and Habsburg empires / Barkey K., von Hagen M. (eds.). Boulder; Oxford: Westview press, 1997. P. 1-11.

CULTURAL PLACE AND MYTHOLOGY OF URBAN SPACE AS A WAY OF CONSTRUCTING A COMMUNITY OF CITIZENS

ABSTRACT

The article discusses the process of constructing urban symbolism in a special type of urban space - the social space of the former "imperial city", the meaning of which was associated not so much with the territory on which it is located, but with the transmission of the imperious meaning coming from the center. This meaning structured the local community, determined the social meaning of each group and set the hierarchy of groups. However, next to the imperial city and its population, another, local center populated by other people arose. The most striking form of organizing the space of the "other city" was the Soviet "private sector". This space did not strive for the acquisition of symbolism, for public presentation. In the post-Soviet period, the destruction of the imperial semantic space leads to the destruction of urban communities, the destruction of their hierarchy. Communities themselves turn into communities, irregular types of communication associated with the sharing of urban infrastructure. An attempt to build citywide symbols based on the former, imperial meanings, under these conditions, leads to the fact that the symbols themselves are simply not readable by the townspeople, they turn into a simulacrum. On the other hand, symbols, one way or another connected with the place, with locality and uniqueness, gain vitality. This process is considered in the article on the material of the city of Khabarovsk and attempts to build citywide symbols on the "cult place" of the city - on the Amur Cliff. The article traces the process of setting symbols, their transformation in the course of urban development, their in-

AUTHOR'S INFORMATION

Leonid E. Bliakher
(Adv. Dr. in Philos. Sc., Full Prof.)
Pacific State University (135, Tikho-
okeanskaya St, Khabarovsk, 680035,
Russia)
@ leonid743342@mail.ru

KEYWORDS

Imperial city, invisible communities, production space, reading space, fight for the city, compatibility, symbolism.

FOR CITATION

Bliakher L.E. (2022). Cultural place and mythology of urban space as a way of constructing a community of citizens. *Managing culture*. No. 4. Pp. 3–10.

fluence on the surrounding space. However, the main point here is not the formation of the morphology of the place, but the possibility for the observer to consider its meaning. As the results of empirical research (observation, interviews with city residents) show, this does not happen. The symbol loses its denotation, turns into a simulacrum, and completely different semantic constructions begin to appear through it, other meanings of a cultural place - local, domestic, "one's own". From a practical point of view, the results of the analysis are interesting for government agencies that offer one or another content of the urban text-space. When forming / constructing the image of the city, one should take into account the diversity of communities, look for options to achieve consensus in reading the city text by discussing and agreeing on meanings.

REFERENCES:

- [1] Blyakher L. E., Ivanova A. P., Kovalevsky A. V. "Empty spaces" and their inhabitants in the cities of the Russian Far East (on the example of the city of Khabarovsk) // *World of Russia. Sociology. Ethnology*. 2021. V. 30. No. 3. S. 150-173.
- [2] Blyakher L. E., Blyakher M. L. City in the shadow of empires: life, death and afterlife of the imperial city of Harbin // *Politiya*. 2022. No. 1. S. 131-161.
- [3] Baudrillard J. *Simulacra and simulations* / transl. from fr. A. Kachalova. Moscow: POSTUM Publishing House, 2015. 240 p.
- [4] Grigorichev K. V. In the shadow of a big city: the social space of the suburbs // Irkutsk: Ottisk, 2013. 248 p.
- [5] Dedlov V. L. *Panorama of Siberia: Travel Notes*. SPb.: Type. M. Merkusheva, 1900. 248 p.
- [6] Zamyatin D.N. *The power of space and space of power*. Moscow: Rosspan. 2004. 349 p.
- [7] Ivanova A.P. The architecture of the state idea in the Russian Far East // *Balandinsky Readings*. 2014. No. 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/arhitektura-gosudarstvennoy-idei-na-russkom-dalnem-vostoke> (date of access: 04.10.2022).
- [8] Kagansky VL. Cultural landscape and Soviet habitable space. Moscow: *New Literary Review*. 2001. 576 p.
- [9] Mkrtchyan N. V. "Cities of the East of Russia "under pressure" of demographic contraction and western drift" // *Resettlement Society of Asian Russia: migrations, spaces, communities*. Frontiers of the XIX-XX and XX-XXI centuries. Irkutsk: Otisk, 2013, pp. 41-61.
- [10] Morozov P. L. *Khabarovsk: History. Modernity. Perspectives*. Khabarovsk: Khabarovsk book publishing house. 1988. 236 p.
- [11] Pivovarov Yu. L. Urbanization of Russia in the XX century: ideas and reality // *Social sciences and modernity*. 2011. No. 6. S. 104-105.
- [12] Starikov A. A. The development of planning structures of cities and the quality of life of citizens // *Fundamental, search and applied research of the Russian Academy of Architecture and Building Sciences on scientific support for the development of architecture, urban planning and the construction industry of the Russian Federation in 2018: coll. scientific works*. M.: IZD-VO ASV, 2019. S. 475-486.
- [13] Dellenbaugh M., Kip M., Bieniok M., Müller A. K., Schwegmann M. *Urban Commons: Moving Beyond State and Market*. Birkhauser Press: Berlin, 2015. 244 p.
- [14] Harvey D. The Right to the City // *International Journal of Urban and Regional Research*. 2003. Vol 27(4). P. 83-103.
- [15] Lefebvre H. *The production of space*. Malden MA: Blackwell, 1991. 464 p.
- [16] Park, R., Burgess E., and McKenzie R. *The City*. Chicago: The University of Chicago Press, 1967. 127 p.
- [17] Tilly Ch. How empires end // *After empire: multiethnic societies and nation-building. The Soviet Union, and the Russian, Ottoman and Habsburg empires* / Barkey K., von Hagen M. (eds.). Boulder; Oxford: Westview press, 1997. P. 1-11.